

ТУЛЬЧИНСКИЙ Григорий Львович / Grigorii TULCHINSKII

| Философская культура России конца XX — начала XXI вв |

ТУЛЬЧИНСКИЙ Григорий Львович / Grigorii TULCHINSKII

Россия, Санкт-Петербург.

Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики (Санкт-Петербург).

Профессор кафедры прикладной политологии, доктор философских наук, профессор.

Russia, St. Petersburg.

National Research University High School Economics.

Professor Dept. Applied Political Theory, PhD, professor.

gtul@mail.ru

ФИЛОСОФСКАЯ КУЛЬТУРА РОССИИ КОНЦА XX — НАЧАЛА XXI ВВ

В статье рассмотрены особенности российской философской культуры конца XX — начала XXI столетий: типичные темы и способы философствования, главные направления, их эволюция, способы организации философской жизни.

Ключевые слова: *культурология, неорационализм, пост-марксизм, Россия, семиология, способы философствования, философская культура*

Russian Philosophical Culture of the late 20th — early 21st Centuries

The paper considers the peculiarities of Russian philosophical culture of the late 20th — early 21st centuries: common themes and methods of philosophizing, the main direction of their evolution, and ways of organizing philosophical life.

Key words: *culturology, neorationalism, philosophical culture, post-Marxism, Russia, semiology, ways of philosophizing*

Отношение к философам: юродивые учителя

Неоднократно, и в отечестве и за рубежом, приходилось быть свидетелем и участником довольно типичной сценки: «А Вы кто будете?» — «Философ» — «А-а-а. . .» — и после этого многозначительного «а-а-а. . .», человек отходит, впад в озадаченно настороженное состояние души. Что этому причиной? Очевидно, весьма специфическое отношение к философии и философам, их, как сейчас говорят, имидж в глазах общественности. И имидж этот, по видимому, весьма неоднозначен.

Что за этим стоит? Чем вызвано столь настороженно-опасливое отношение к философам? Представляется, что причин две. Во-первых, небезосновательное соображение, что нормальный человек не может задаваться проблемами типа смысла жизни настолько, чтобы объявлять это своей профессией. Значит, такой человек не совсем в норме, что-то у него с головкой не в порядке и лучше держаться от него в стороне. Либо, во-вторых, и что особенно типично для отечественной ситуации, этот человек идеологически ангажирован, и тогда, тем более, лучше держаться от него подальше.

Но таково отношение к философам — то ли как к юродивым, то ли как к идеологическим фанатикам — только в нормальном состоянии общества. Как только общество оказывается в кризисе, ситуации смыслоутраты, главными виновниками, первыми у раздачи критики словом и делом оказываются те же философы: оказывается, это они не тому и не так учили.

От философии обычно ждут ответа на те предельные вопросы, с которыми сталкиваются человек и все общество в целом. Но если философ берется давать такие ответы, он перестает быть философом. Это скорее задача житейской морали, идеологии, религии. Задачи же философии иные. В одной притче голодный просил у рыбака помочь ему, дать только что выловленную рыбу. Тот отказал со словами: «Если я дам тебе эту рыбу, ты ее съешь, но потом опять будешь голоден. Давай, лучше я научу тебя ловить любую рыбу и ты сможешь накормить себя в любое время сам и избавиться от голода навсегда». Также и задача философии — не столько давать ответы на все случаи жизни, а учить правильно ставить вопросы, чтобы самому искать и находить ответы.

Конечно, нормальный человек не может и не должен думать каждую минуту о смысле бытия, это верный признак жизненного и духовного кризиса. В самой жизни нет смысла, но есть проблема смысла жизни и она проявляется только в критических ситуациях, когда жизнь ломает человека и он задумывается о том, зачем вообще он живет, в чем смысл его существования в этом мире, да и самого этого мира, ради чего стоит продолжать жить? Только философы могут задаваться такими вопросами на протяжении целого рабочего дня, потому это занятие следует признать одной из наиболее вредных профессий.

За кого держат себя сами философы? Как они отличают друг друга от прочих братьев по разуму? Иначе говоря, научно-образно выражаясь, — в чем особенности философского этоса? Философ всегда и прежде всего — личность, занимающая

ТУЛЬЧИНСКИЙ Григорий Львович / Grigori TULCHINSKII

| Философская культура России конца XX — начала XXI вв |

собственную неповторимую позицию. Со всеми вытекающими отсюда последствиями. Зачастую эта индивидуально неповторимая позиция приходит в резкое столкновение с общепринятыми нормами, а то и сознательно им противопоставляется. Поэтому архетипической фигурой философа на все времена стал Сократ, вынужденный по решению суда выпить яд, а для отечественной философии — П. Я. Чаадаев, высочайшим повелением объявленный умалишенным. Философ, несмотря на то, что является носителем некоей мудрости или претендует на это — отнюдь не личность, добившаяся некоего жизненного успеха. Он и не стремится к этому успеху. Осмысление мира в целом, на которое претендует философ, выводит его в контекст этого мира. Поэтому философ — личность не от мира сего, занимающая позицию вне этого мира и только так получающая возможность понять и судить этот мир.

Даже в СССР, обществе, строившемся якобы на основах «единственно научной философии», максимальный социальный статус, которого мог достичь самый идеологически правверный выпускник философского факультета, это либо секретарь парткома вуза, либо консультант ЦК, но никак не должность руководителя. Технократическая и бюрократическая номенклатура как правящая элита испытывала органическое недоверие к «философам».

Иначе говоря, позиция философа (настоящего или имиджевого) всегда и везде — Out. Следствием чего и является своеобразное отношение к философам и философии. С одной стороны, они — что-то вроде юродивых, блаженных не от мира сего. А с другой — вечно виновные.

Нефилософская философия

Как реализуется философствование? Где возникает и где живет философия? Не секрет, что исходящая с вузовских кафедр и из тиши академических кабинетов философская мысль не оказывает серьезного воздействия на общество. Речь идет не только и не столько об иронически-терпеливом отношении к преподаванию философии — такое отношение к преподаваемым дисциплинам вообще характерно для школьно-студенческой среды. Важнее другое — явная преувеличенность слухов о непосредственном влиянии философии на умы.

Между тем явно и довольно остро ощущается голод по внешкольной, неакадемической философии, по независимому и честному суждению. Не случайно в советские годы «духовного застоя» в 1970-х возник и активно разгорался, особенно в молодежной среде, интерес к религии, особенно ее экзотическим формам в духе New Age. Эти настроения способствовали появлению и росту разнообразных, но замкнутых объединений и общин, в том числе — тоталитарного толка. В то же время интенсивный духовный поиск способствовал росту активного интереса к истории философии (особенно — отечественной), идеям современной зарубежной философии.

Альтернативный духовный поиск пронизывал среду художественной, научно-технической интеллигенции, интеллектуалов — в том числе «дворников» и «кочегаров», занятых интенсивным духовным поиском и творчеством, но не нашедших или не искавших возможности для полноценной социальной самореализации.

Активное и интенсивное философствование всегда было свойственно не только гуманитариям, но и специалистам-естественникам. Более того, в отечественной мысли давно уже сложилась традиция «нефилософской философии». Характерно, что такие глубокие отечественные мыслители XX столетия, как С. С. Аверинцев, М. М. Бахтин, В. И. Вернадский, Л. Н. Гумилев, Д. С. Лихачев, Ю. М. Лотман, А. А. Любищев, Б. Ф. Поршнев, С. С. Хоружий, В. Б. Шкловский — не профессиональные философы, хотя и являются таковыми по самому «гамбургскому счету». Их философствование, осуществлявшееся и осуществляемое за рамками, а зачастую и вопреки философскому официозу, входит в ткань духовной жизни общества, определяя и содержание концептуализаций профессиональных философов.

Но такая тенденция характерна для российской философской культуры вообще. Титульные и культовые для нынешнего понимания российской философии фигуры — П. Я. Чаадаев, ранние славянофилы, Н. Ф. Федоров, Н. А. Бердяев, Л. Н. Шестов, В. В. Розанов, Вяч. И. Иванов, П. А. Флоренский, П. Н. Савицкий и др. — не являлись философами ни по специальной подготовке, ни по официальному статусу и роду занятий. В. С. Соловьев был отстранен от университетской кафедры. А такие ключевые для понимания русской мысли фигуры как Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой? Можно сказать, что закономерностью развития российской философии стала канонизация нефилософского философствования. Психологи Л. С. Выготский и А. Н. Леонтьев оказали решающее влияние на формирование деятельностного подхода в отечественной философии. Ныне живущие в Германии, но яркие и, с очевидностью, русские мыслители Б. Е. Гройс и И. С. Смирнов — изначально матлингвист и филолог соответственно, Б. И. Парамонов — историк. По словам студентов и выпускников философского факультета Санкт-Петербургского университета конца 1990-х — начала 2000-х годов, их самое яркое философское впечатление за время учебы — спецкурс Н. А. Шанина, одного из создателей конструктивистской школы оснований математики.

Но эта же тенденция характерна и для мировой философской культуры. От философии Возрождения и Нового времени до наших дней в динамике философской мысли нередко ключевую роль играли отнюдь непрофессиональные философы и сама эта динамика зачастую реализовывалась на основе противопоставления и противостояния философии как таковой. Ф. Бэкон, позитивизм, Э. Фрейд, Ж. Деррида — только первые пришедшие на ум фигуранты и направления. А. Эйнштейн и Н. Бор, А. Пуанкаре и В. Гейзенберг — яркие и ключевые фигуры в философской мысли нашего столетия, их интуиции дали богатую пищу для ума не одного поколения профессиональных философов. Живое философствование всегда получало и получает мощный импульс развития из-за пределов собственно философской культуры.

Философствование и философия

Итак, есть философствование и есть академическая философия. Есть философы, те, кто философствует, и есть преподаватели философии, делящиеся радостью узнавания чужого философствования. Парадокс заключается в том, что профессиональной философией считается второе, тогда как первично и существенно первое.

ТУЛЬЧИНСКИЙ Григорий Львович / Grigorii TULCHINSKII
| Философская культура России конца XX — начала XXI вв |

Да и в академической среде важным и существенным является не столько официальное профессиональное общение, доклады и сообщения на конгрессах и конференциях, сколько живое общение конкретных философских сообществ, представители которых могут жить в разных городах и странах, переписка, обмен электронными сообщениями, поездки в гости. Все это «живое философствование» и отливается потом в монографии, статьи, лекции.

На это обстоятельство недавно обратил внимание М. Эпштейн в книге *Symposion*¹, подчеркивая особо «симпосийный» характер русского философствования, особую его близость традиции платоновских диалогов (в первую очередь «Пира», буквально — «*symposion*»). Речь идет не только о диалогичности, а об особой «тотальной» полифонии духовности, интегрирующей абстрактные идеи, душу и телесность философа, науку и поэзию, критику и фантазию, анализ и синтез, историчность и утопизм. Традиция и опыт такого философствования во многом утрачена на Западе, где философия приобрела (особенно в англоязычной традиции) характер акцентированно аналитической интеллектуальной деятельности. Эту качественную особенность российского духовного опыта М. Эпштейн называет *Filosofia*, в отличие от западной *Philosophy*. Различия между ними он уподобляет различию между симпозиумом схоластов и платоновским симпозиумом. Вне этого различия адекватное восприятие русской философии невозможно, и современной — в том числе. Однако, речь идет не о жестком противопоставлении. Запад имеет своих ярких представителей *Filosofia*: К. Честертон, Ч. Льюис в Англии, Ф. Ницше и М. Хайдеггер в Германии, Ж. Батай, Г. Башляр, Ж. Бодрийяр во Франции. Аналогично и в России можно найти представителей канонического неокантианства, структурализма, позитивизма и т. д. Поэтому, скорее можно говорить об акцентуированных типах бытования философской мысли: живое философствование как многообразное и разнообразное в своей жизненной полноте осмысление мира в его единстве и беспредельности — во-первых, и, во-вторых, философия как рациональная систематизация философствования.

Но существует ли какая-то специфически философская тематика осмысления, форма мышления, язык, поступки, образ жизни?

В этой связи представляется плодотворным и оправданным не строить различные рационалистические конструкции, не изоляться в решении вечной проблемы дефиниции философии, а взглянуть непредвзято на реальное бытование философствования. Иначе говоря, почему бы не взять за точку отсчета представление о философии как о том, чем занимаются философы, а точнее — философствующие? Лишь на первый взгляд такой подход кажется тавтологичным. Он привлекает тем, что начинается не с определения понятий, а со взгляда на философию как специфическую деятельность, которой занимаются люди, идентифицирующие себя как философы. Философия предстает не видом знания, а социально организованной и социально значимой деятельностью. Она может иметь свои цели и ценности (предмет деятельности) и реализуется по определенным правилам как любая сфера культуры.

Точнее говоря, с таких позиций философия предстает не столько единой, монолитной, строго упорядоченной системой, сколько «системой систем», которые находятся в отношениях и связях друг с другом, напоминающих «семейства языковых игр» Л. Витгенштейна. Эти отношения и связи напоминают плетеную (типа кольчуги) или войлочную структуру. Философские концепции и способы философствования относятся друг к другу не как род и вид. Они образуют сложные цепочки, в которых каждое из звеньев пересекается с близлежащими, цепляется за них, но при этом может не иметь никаких непосредственных связей с другими, может никак к ним не относиться или иметь сложно опосредованные переходы к ним. Например, непосредственный переход от позитивизма к экзистенциалистскому философствованию без опосредующей роли феноменологии практически невозможен.

Поэтому философские взгляды с таким трудом поддаются классификациям и систематизациям — в лучшем случае, по эпохам и культурно-этническим факторам. Всякие другие классификации и рационализации есть огрубление одних концепций в рамках других, их неизбежное искажение. Поэтому очень часто философы различных школ и направлений просто не понимают друг друга — ни о чем, ни как, ни зачем они говорят, пишут и думают. Однако все вместе, в своей целостности они образуют прочную и всюду плотную ткань философствования, покрывающую (или пронизывающую) все сферы жизнедеятельности.

При всем разнообразии своих форм философия — на редкость целостная нормативно-ценностная система культуры. Если только понятие целостности применимо к универсуму вообще, к полноте мира и жизни человека. Действительно, философия — универсальное, предельное, если не за-предельное осмысление. Выражается это в за-предельном характере ее традиционных вопросов.

Любая философия — как осмысление мира, человека и его места в мире — связана с поисками ответов на несколько «философиеобразующих» вопросов:

- какова природа действительности, что представляет собой реальность самой реальности?
- что такое человек?
- что происходит в момент смерти?
- почему вообще возможно познание, и каким образом мы узнаем, что правильно, а что неверно?
- в чем смысл человеческой истории?

Уже этот перечень делает ясным главное. Философствование есть попытка конечного существа понять бесконечный мир. Из этого следует, что философия, в принципе, не является и не может быть наукой в самом точном смысле этого термина — в смысле *science*. И это несмотря на самые наукообразные и рациональные формы возможного философского осмысления.

Реальные вещи и процессы составляют предмет науки в собственном смысле — как *science*. Но кто и когда видел истину, свободу, красоту, добро, идею как таковые? Кто, где и когда видел мир вообще, как таковой? Его первопричину? Все они суть абстракции, еще точнее — культурные смыслы, задающие контекст конкретных интерпретаций.

Смысл слова уясняется из контекста предложения. Смысл предложения — из контекста текста. Аналогично невозмож-

¹ Epstein M. *Symposion and Russian Filosofia // Symposion. A Journal of Russian Thought*. Vol. 1. 1996. p. 3–6.

ТУЛЬЧИНСКИЙ Григорий Львович / Grigorii TULCHINSKII

| Философская культура России конца XX — начала XXI вв |

но дать ответ на вопрос о смысле жизни, оставаясь в границах самой жизни. И тогда смысл жизни оказывается связанным с Богом, историческим прогрессом, воплощением определенной идеи, последующими поколениями и т. д. — всем тем, что превосходит жизнь отдельного человека. Но в своем осмысляющем порыве философия неизбежно сталкивается с проблемой смысла мира вообще, который может быть найден только с позиций «не от мира сего».

Философствование по самой своей природе принципиально метафизично: вне- и над-природно. Из трансцендентности философствования следует ряд принципиальных обстоятельств, характеризующих любое его проявление.

Во-первых, философия оказывается индивидуальным выходом человека к свободе, его самоопределением. Будучи предельным осмыслением, она есть свобода выбора своего идеала, реализующаяся как поиск, нахождение и утверждение человеком самого себя, конечного существа, в бесконечном мире. Философствование дает человеку смысложизненное оправдание — таков «социальный заказ».

Однако, философия не является и не может быть учением о том, «как жить дальше». Философствование, в конечном счете, есть путь и способ самопознания, самообъяснения и самооправдания. И это — во-вторых. Сколь бы не стремился мыслитель учить, его учение есть ответ на вопрос, зачем и как жил он сам. Разум дан человеку для осознания меры и глубины его ответственности, его «не-алиби-в-бытии», как говорил М. М. Бахтин. И философия — не только наиболее общий, но и наиболее подходящий путь такого осознания. Ее привлекательность лежит в самой природе самооправдательных возможностей философской рефлексии. Философия, как всякое рациональное осмысление, есть рационализация пройденного пути.

В-третьих, в силу первого и второго, философствование должно располагать богатым спектром выразительных возможностей, позволяющих осмыслять всю полноту действительности во всей ее противоречивости.

Ф. М. Достоевский писал, что «ум-подлец, потому как виляет» ищет и находит объяснения и оправдания происходящему. В этом плане философский ум — самый «подлый», так как по самой своей природе занят объяснениями и оправданиями миру в целом, фактически — чего угодно.

Извне, с позиции непосвященного, философствование выглядит особенно изощренной игрой ума, не имеющей реального практического смысла. На самом деле, как универсальное, предельное самоопределение, философия оказывается исключительно важным моментом человеческого бытия, многообразным — как само это бытие — способом реализации свободы самоопределения.

Способы философствования

Но тогда как реализуется философствование? Имеется ли универсальная форма выражения предельного осмысления? Если бы такая форма была возможна, мы располагали бы универсальным каноном — идеал, к которому стремится практически каждое учение. Достигим ли он и насколько он соответствует реальному бытованию философствования?

Как всюду плотная ткань осмысления действительности, философия подобна фольклору, «народной мудрости», столь

же универсальному (тотально-всеобъемлющему) осмыслению реальности, покрывающему и пронизывающему все ее сферы и проявления. Аналогия с фольклором важна — фольклорное осмысление дается с самых различных позиций, даже взаимоисключающих. Например, в паремиях — пословицах, поговорках, инвективах и т. п. — даются осмысляющие примеры и нормы на все случаи жизни, в том числе на основе взаимопротиворечащих оценок. Они вполне могут исключать друг друга: «семь раз отмерь, один раз отрежь», но «смелость города берет» и «кто не рискует, тот не пьет шампанское»; «везде хорошо, где нас нет», но «свой хлеб лучше чужих пирогов»; «с глаз долой — из сердца вон», но «старая любовь не ржавеет» и т. п. Однако такая взаимопротиворечивость отнюдь не нарушает целостности фольклорного осмысления, а наоборот укрепляет его целостность и полноту.

В философии прямым аналогом подобного мозаичного осмысления является философская афористика. Некоторые мыслители склонны именно к «паремиологическому» философствованию, позволяющему им наиболее полно (хотя и фрагментарно) выразить свое мировоззрение и миропонимание. М. Монтень, Б. Паскаль, Новалис, В. В. Розанов — перечень таких мыслителей можно продолжать. За счет чего же достигается целостность «паремиологического» философствования? Его противоречивая полнота есть выражение целостной неповторимости личности философа. Именно неповторимая индивидуальность его выступает интегрирующим фактором. Противоречия осмысления объединены его личностной неповторимостью и уникальностью. Философские паремии, в силу своей смысловой самодостаточности, текстологически между собой не связаны. Они перечислительны и не выстраиваются в какую-то сюжетную линию. История их развития — личная биография мыслителя. Поэтому наиболее развитой формой паремиологического философствования являются дневниковые записи.

Однако философствование может носить и сюжетный характер. Например, буддистские притчи и коаны являются, по сути дела, мировоззренческими паремиями, объединенными сюжетами. Сюжеты эти могут быть короткими (притчи), внешними по отношению к тексту (письма), могут разрастаться в наизидания, в эссе, диалоги, новеллы, повести или романы, как скажем, в творчестве Платона, Унамуно, Достоевского, Толстого, могут иметь самостоятельное художественное значение. Важно подчеркнуть, что философствование может реализовываться практически в любом речевом акте и в любом жанре речевого и языкового общения.

Общей чертой паремиологического и сюжетного философствования является необходимость толкования афоризма или сюжета для осознания полноты выраженного в них мировоззрения. Такое толкование может само стать способом философствования, сводящим результаты осмысления в некоторый герменевтический компендиум с различной степенью упорядоченности, «инвентаризации» мысли. Примерами могут служить не только новомодные «деконструкции», но и классические философствования Аристотеля, Фомы Аквинского, К. Вольфа. Различия — в степени упорядоченности. Но объединяет их сюжетность мысли, именно не мысленный сюжет, а сюжет самой мысли, становящийся системообразующим фактором.

ТУЛЬЧИНСКИЙ Григорий Львович / Grigori TULCHINSKII

| Философская культура России конца XX — начала XXI вв |

Окончательно логика осмысления выходит на первый план в философских системах — от Декарта и Спинозы до Фихте и Гегеля. Если для паремииологического и сюжетного философствования противоречивая целостность органична, естественна и есть выражение множественности осмысляющих позиций в бесконечном мире, если для компендиума она — терпимый и несущественный факт, обстоятельство инвентаризации, то в системном философствовании, основанном на последовательном развертывании исходных принципов, требование противоречивости — парадоксальный, но необходимый и достаточный принцип. Мировоззренческая полнота философской системы возможна только в случае ее изначальной противоречивости. Поэтому наиболее последовательные концепции и начинают с противоречия, кладут его в основу философствования (Фихте, Гегель, систематизаторы диалектического материализма). Из противоречия следует все, что угодно. Именно этот логический принцип и позволяет «логически последовательной» системе достичь полноты осмысления.

Способы философствования, очевидно, не исчерпываются рассмотренными текстовыми вариациями жанров². Хотя уже на примере этих форм выражения, так сказать, «левополушарного», словесного философствования видно богатство философской палитры. И опыт показывает, что существует и «правополушарное» философствование, реализуемое с помощью иконических знаков — схем, рисунков, изображений. Так, на геометрически-наглядном рассуждении основана античная математика. Но и философия оперирует наглядными образами. И не обязательно словесными их описаниями. Есть философы, склонные к непосредственному оперированию иконическими знаками. Причем характер используемых средств — схем, графиков, блок-схем, фигур, изображений и даже склонность к вполне определенным фигурам (или треугольникам, или кругам, или прямоугольникам, или стрелкам и т. д.) способны многое сказать о способе и стиле философствования. Недаром в свое время П. А. Флоренский задумал даже создание Symbolarium'a — словаря иконических знаков-символов и их смысловой палитры: от точки до сложных фигур и конфигураций.

Особая проблема — перевод «левополушарных» способов философствования в «правополушарные» и наоборот. Речь идет не только о дидактических целях такого перевода вроде проблемы наглядности в преподавании. Ф. Бэкон считал, что задачей философии является обнаружение «скрытого схематизма» явлений. И наглядные образы, метафоры, модели могут не только иллюстрировать словесно выраженную мысль, но и предшествовать ей. Вербализация может быть описанием осознанного схематизма, быть вторичной. Поэтому систематическое взаимодействие и взаимоперевод — самостоятельный стимул и фактор развития философской мысли.

Более того, представляется, что палитра способов философствования не исчерпывается разнообразием вербализации и схематизации. Существует «поступочная» философия — как способ философствования, выражающийся непосредственно в образе жизни, поведении. Примерами могут служить не только киническая традиция, но и бессловесное философствование

² Подробнее см. материалы специального круглого стола: Скриптитизация бытия как проблема и жанр философствования. // Философские науки. 2008. № 8. С. 29 — 145.

мудрых людей, самой своей жизнью воплощающих ценностную норму. Возможно, существует философское осмысление, основанное на висцеральных источниках информации. По крайней мере в мировоззрении и миропонимании П. Я. Чаадаева, по его собственным свидетельствам, играли заметную роль пищеварительные и другие обстоятельства внутреннего самочувствия³.

Эволюция философской культуры России

Различие философствования и философии, «профессиональной» и «непрофессиональной» философии не абсолютно, а относительно, связано с динамикой единого процесса. Философия в виде философствования присутствует в каждой субкультуре: профессиональной, возрастной, досуговой. . . В каждой из них имеются свои философствующие. И профессиональная философская субкультура питается именно отсюда.

Сказанное можно проиллюстрировать на примере российской философской культуры последних десятилетий.

Несколько лет назад в первом номере нового американского журнала, посвященного особенностям российской гуманитарной мысли, впервые была предпринята попытка систематизации российской философской культуры 1950–1970-х годов⁴. Автор выделял семь основных направлений философской мысли: марксизм, неорационализм, религиозную философию (ортодоксальную и нетрадиционную), персонализм, философию «национального духа», культурологию и постструктурализм.

Культурология в этой трактовке включает «основоположников» — М. М. Бахтина и А. Ф. Лосева (протиположников внутри этой парадигмы), В. С. Библера и его школу, дальнейших «бахтинянцев» — С. С. Аверинцева, Г. Гачева, Л. М. Баткина, а также филологов и историков — Д. С. Лихачева, А. Я. Гуревича. Ключевыми понятиями этого направления, оформившегося в противопоставлении и марксизму, и структурализму — культура, диалог, символ и вообще методология гуманитарных наук в их несводимости к экстенсивным и общественным наукам. В независимой культуре также отмечались проявления этой ориентации, например, в известной в свое время и неоднократно воспроизводившейся в Самиздате «Феноменологической переписке» Т. Горичевой и Б. Гройса (Бориса Иноземцева).

Персонализм не сводим к либерализму, хотя оба опираются в понятие личности и, соответственно, индивидуальных прав и свобод. Диапазон персонализма достаточно широк: от религиозного персонализма Я. С. Друскина и Г. С. Померанца до светского либерализма А. Д. Сахарова и А. С. Есенина-Вольпина, через множество промежуточных оттенков, в основном публицистической и эссеистической философии (Л. Я. Гинзбург, И. А. Бродский, Б. М. Парамонов и др.). Объединяет их то, что первоначалом своего философствования, его альфой и омегой, они ставят личность, несводимую ни к каким более общим основаниям и более важным целям — в отличие от философов нации, структуры, культуры, деконструкции и т. д.

³ См. письма П. Я. Чаадаева брату и близким людям. Чаадаев П. Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. Т. 2. Письма П. Я. Чаадаева и комментарии к ним. М.: Наука, 1991.

⁴ Epstein M. The Phoenix of Philosophy: On the Meaning and Significance of Contemporary Russian Thought // Symposium. 1996, vol. 1, p. 15–73.

ТУЛЬЧИНСКИЙ Григорий Львович / Grigori TULCHINSKII

| Философская культура России конца XX — начала XXI вв |

Постструктурализм первоначально был наиболее свойствен параллельной культуре, но затем совершил мощную экспансию на гуманитарную культуру в целом. Причем, его рецепция повторила судьбу других отечественных заимствований европейской философии за последние два века — позитивизма, обернувшегося нигилизмом, марксизма, обернувшегося ленинизмом: отечественные постструктуралисты оказались большим постструктуралистами, чем сам Ж. Деррида.

Предложенная систематизация обладает несомненными эвристическими достоинствами, положив в основу философские «первоначала», такие как общество, личность, разум, культура, нация, Бог, языковая игра.

В этой связи, учитывая важность проблемы, можно высказать несколько соображений. Что касается квалификации М. Эпштейном религиозной философии и марксизма, то она представляется адекватной, особенно с учетом точных авторских комментариев относительно марксизма как последней *humanistic religion* с глубоким проникновением восточной и западной мистики. Правда, помимо магистрального пути от И. В. Сталина к С. Е. Кургияну и А. А. Зиновьеву, нельзя забывать ответвления в культурологию (Э. С. Маркарян, М. С. Каган и др.), логику и методологию науки, персонализм батищевского плана и др.

К упоминаемым в работе представителям «националистической духовности», консолидировавшимся вокруг журналов «Молодая гвардия», «Наш современник», общества «Память» и т. п., можно было бы добавить течение, которое потом вылилось в дугинско-курехинскую ориентацию (хотя автор точно отмечает геновские корни) и синтез черно-красной идей, завершившийся к началу 1990-х.

Излишне размытым представляется «неорационализм». Разумеется, и М. К. Мамардашвили, и А. М. Пятигорский соприкасались с структурализмом тартуско-московской школы, а Г. П. Щедровицкий и М. К. Мамардашвили вышли из Московского логического кружка. По отдалении от той эпохи все более становится ясной ее типологичность в плане перехода от рациональности научной (Ю. М. Лотман, Г. П. Щедровицкий) к феноменологической (М. К. Мамардашвили) и даже мистико-сайентистской (В. В. Налимов). Однако, собранные автором в этой номинации персоналии представляются очень и очень разными и по истокам (структурализм, ОПОЯЗ и семиотика у одних, деятельностный подход у других, феноменология у третьих) и по стилистике. думается, основной интерес в систематизации представляют различия между ними, а не некая условная общность. Да и само название «неорационализм» позволяют дополнять эту номинацию персоналиями без особых ограничений.

Что касается постструктурализма, то он — явление, скорее, 1980–1990-х. Так же, как, думается, и культурология. М. М. Бахтин и, особенно, А. Ф. Лосев в этой компании несколько инородны. Более естественны там М. С. Каган и Э. С. Маркарян. В персонализме же оказались собраны просто некоторые титульные имена («персоны»). Наверное, только по этому принципу и можно объединить А. Д. Сахарова и А. С. Есенина-Вольпина с А. Г. Битовым, Б. М. Парамоновым и И. А. Бродским.

Скорее, как представляется, можно было бы говорить о несколько иной систематизации. К концу 1960-х, оформилось несколько направлений философствования, которые впоследствии

стали источниками дальнейшей динамики. Каждое из этих направлений имело свою социальную базу, среду философствования. Роль этих социально-профессиональных слоев, субкультур (официозной идеологии, гуманитарии, естествознания и техники, религиозного официоза, андерграунда) в динамике современной российской философской мысли никак нельзя.

Во-первых, это марксизм, точнее — марксизм-ленинизм: официальная доктрина, насаждавшаяся системой образования, идеологией, культурно-просветительной работой, СМИ. Культивировалась она профессиональной средой, прежде всего — «профессиональных философов» (сотрудников философских кафедр вузов и нескольких академических НИИ). Но уже тогда в этой среде созрели философические альтернативы (культурология, логика и методология — прежде всего). И дальше все эти ветви резко разошлись концептуально и организационно.

Во-вторых, это религиозная философия: как ортодоксия официальная и неофициальная (от А. В. Меня до С. С. Хоружего и Т. Н. Горичевой), так и религиозная философия в параллельной культуре — от буддизма, индуизма, даосизма до New Age и духовных практик мексиканских племен яки (нагуа), описанных К. Кастанедой.

В-третьих, «семиология». Название не очень удачно. Речь идет о шпетовско-бахтинско-лосевской структуралистско-московско-тартуской традиции гуманитарного философствования с явно выраженной озабоченностью проблемой языка. Большею частью это было философствование гуманитарной интеллектуальной среды, связанное с осмыслением художественного творчества, поэтики.

В-четвертых, «рационализм». Речь идет о философствовании математиков и естественников по преимуществу. Энергичный диалог двух последних субкультур во многом определил известное противостояние «лириков» и «физиков» в общественном сознании 1960-х, выразив осознание каждой из них собственной самостоятельности и самодостаточности как мировоззрения. Наука была и остается неизбывным источником философствования. Более того, среда научно-технической интеллигенции зачастую оказывается трендовой группой, способствующей рецепции и дальнейшему продвижению в общественном мнении других стилей философствования.

Эти четыре основных поля философствования и определили дальнейшую динамику философской мысли. Как представляется, учитывать эту динамику развития принципиально важно. Без ее учета многие аспекты оказываются смазанными. В первом приближении эту динамику можно схематически представить следующим образом: религиозная философия дала векторы к ортодоксальной религиозности, национализму и постструктурализму; марксистско-ленинский философский официоз — к коммунофундаментализму, национализму, культурологии и логико-методологии; «семиология» — к культурологии, семиотике (в отличие от «семиологии», более формализованному анализу знаков и знаковых структур) и постструктурализму; рационализм диверсифицировался в логико-методологию и персонализм (именно персонализм, а не либерализм, поскольку, во-первых, его социальное поле — это не только технари и естественники, а во-вторых, о собственно либерализме можно в российском контексте говорить с большими оговорками, о чем я сам уже писал ранее).

ТУЛЬЧИНСКИЙ Григорий Львович / Grigorii TULCHINSKII

| Философская культура России конца XX — начала XXI вв |

Речь идет, таким образом, о векторах развития исходных четырех полей философствования 1950–1960-х к нынешним восьми: религиозной философии (духовному опыту), культурологии, семиотике, постструктурализму, логике-методологии (философии науки), персонализму, национализму и коммуно-фундаментализму.

Данная систематизация, разумеется, весьма уязвима, нуждается в доработке. Если в упомянутой публикации М. Эпштейна делается акцент на темах философствования — «о чем философствуют», в предложенной схеме подход оказывается более социологичным — «кто философствует». Более того, разумеется, это только наиболее общие тенденции. Были и свои маргиналии. И уж никак нельзя не учитывать «восточного сюжета» (йога, чань-дзен-буддизм, веданта, кришнаизм и т. д., выросшие, в том числе, и из недр неофициальной религиозности, семиологии). Но это уже дело более конкретного специального анализа.

Даже из такого беглого рассмотрения видно, насколько широко представлены поля философствования в современной российской культуре: речь идет фактически обо всех сферах проявления работы ума и души.

Эта естественно присущая философствованию всеохватность даже в советское время находила своеобразное воплощение в официальной философии. Сложившееся в советское время представление о содержании философского знания явилось результатом упрощения и схематизации марксизма (условно: Плеханов-Ленин-Бухарин-Сталин-Митин), придания этой упрощенной схеме статуса структуры философии вообще. Поскольку эта инвентаризация осуществлялась в целях популяризации, идеологической пропаганды и контроля, постольку она была не лишена некоторой рациональности. Более того, в своей основе она была вольфианская — сказались корни философского образования в Германии и России, с одной стороны, а с другой, ориентация самого вольфианства на образовательные цели.

В конечном счете, согласно этой схематизации, философское знание представляло собой состоящим из пяти основных блоков:

1. «Диалектический материализм (диамат)», фактически — метафизическое ядро философского знания, включавшее онтологию (теорию развития как «законы диалектики») и гносеологию (как «ленинскую теорию отражения»). Объединяющим их принципом выступало материалистическое решение «основного вопроса философии» с его онтологическим («первичность» материи) и гносеологическим (познаваемость мира) аспектами. Тем не менее, даже эти составляющие уживались с трудом (См. например, дискуссию «онтологов» с «гносеологами» в конце 1960-х). Обеспечению схематической целостности служили такие «фундаментальные» проблемы как «систематизация категорий диалектики» и т. п.
2. «Исторический материализм (истмат)» — общая социология и историософия, телеологические ориентированные на построение коммунистического общества как итога классовой борьбы.
3. «Философские проблемы науки» (преимущественно — естествознания) — обеспечение натурфилософской конкретизации (поновления) схемы реальным позитивным знанием.

4. «Философские науки» (история философии, логика, этика, эстетика, «научный атеизм»), обеспечивающие гуманитарную конкретизацию схемы, критику «современных идеалистических концепций».

5. «Научный коммунизм» — наиболее идеологизированная и политизированная часть советской философии, ориентированная на объяснительную интерпретацию (концептуальную «упаковку») текущих политических лозунгов в телеологической привязке к «конечной цели» построения коммунистического общества.

Такая, по сути дела, «инвентаризация» философского знания справлялась с задачами подготовки учебных программ, учебников, рубрикации философской литературы, ВАКовской рубрикации философских специальностей и т. д. Более того, в рамках этой схемы находились возможности динамики и актуализации (например, формирование «методологии науки»).

Однако, ряд существенных для понимания современной философии идей и концепций в эту схематизацию не укладывался и с большим трудом завоевывал право на существование (культурология, деятельностный подход), а чаще — активно отторгался и развивался вне институционализированного философского знания (семиотика, герменевтика, структурализм, когнитология и т. п.) в рамках филологии, «кибернетики» и т. д. Этой «предысторией» во многом объясняется специфика пост-советской философской ситуации и структуры философского знания в современной России.

Во-первых, это явный приоритет культурологической тематики в семиотическом и структуралистском исполнении. Очевидно, свою роль сыграли неангажированность идеологией, имидж профессионализма и своеобразного эзотеризма, свойственные этим направлениям философской мысли в советское время.

Во-вторых, это удивляющее даже зарубежных специалистов увлечение постмодернистской стилистикой философствования с присущими ей концептуальной и жанровой «всеядностью» и необязательностью. Думается, что после краха «Большой Идеологии» такой этап был даже по-своему неизбежен. Сказалась и близость постструктуралистской ментальности традиционной семиотике, герменевтике и культурологии, а самое главное — общей апофатичности российско-советского духовного опыта.

В-третьих, это поразительная индифферентность отечественной философии к неофрейдизму, собственно аналитической философии (в отличие от логического эмпиризма), герменевтической онтологии (проблема понимания в отечественной философии была понята почти исключительно гносеологически), экзистенциализму с его проблемой свободы. Речь идет не о критике этих концепций, а об их включении в опыт философствования.

В-четвертых, это «тусовочный» характер структурирования философской жизни и текстов — не по областям знания, а в силу других факторов (поколенческих, по ключевым словам и т. п.).

Парадоксально, но, в-пятых, в силу отмеченных обстоятельств, возникает своеобразная ностальгия по универсальной схеме, «вместилищу» всего поля философствования. Думается, что подобные «фантомные боли» носят временный характер. Так же, впрочем, как и неупорядоченные, слабоформализован-

ТУЛЬЧИНСКИЙ Григорий Львович / Grigorii TULCHINSKII
| Философская культура России конца XX — начала XXI вв |

ные («тусовочные») структуры. Являясь обязательным условием саморазвития и естественной динамики любого знания, со временем они образуют устойчивые институциональные структуры отечественной философии, а значит и систематизацию философского знания.

Примерами такой самоорганизации философской культуры 1990-х могут служить философский клуб СИЗИФ (Союз искусства, знания и философии), действовавший в Санкт-Петербурге в 1990–1992 годах, Философская Академия 1992–1994 годов, издательская группа и журнал «Ступени», исследовательский центр «Эйдос», институционализировавшийся первоначально при Питерском Союзе ученых, а затем как филиал московского Института культурологии, Лаборатория метафизических исследований, Метафизическое общество и т. д. Некоторые из них не пережили «героические 90-е», а некоторые породили новые структуры, занявшие прочное место в философской жизни. Примерами последних могут служить не только трансформация «Эйдоса», но и Высшая философско-религиозная школа, Российская Христианская Гуманитарная Академия, Центр Медиафилософии...

С конца 1990-х активизировалось Российское философское общество. Под его эгидой каждые два года регулярно проводятся довольно представительные философские конгрессы, ближайший из которых — VI Российский философский конгресс «Философия в современном мире: диалог мировоззрений» состоится 27–30 июня 2012 г. в Нижнем Новгороде.

Помимо традиционной авторитетной философской периодики — журналов «Вопросы философии», «Философские науки», «Человек» — возникли и регулярно выходят издания на базе университетских центров. Возник ряд важных сетевых проектов, среди которых, прежде всего, стоит отметить созданный в 2009 году мощный сетевой ресурс — портал «Сетевого Сообщества "РОССИЙСКАЯ КУЛЬТУРОЛОГИЯ"»⁵, на базе которого, помимо прочего, создано информационное пространство Научно-образовательного культурологического общества России, регулярно выходят информационные бюллетени, выходят номера «Международного журнала исследований культуры»⁶. В Новосибирске уже несколько лет активно, с привлечением отечественных и зарубежных философов работает электронный ресурс <http://www.antropolog.ru>, на базе которого ежегодно выходят тематические номера гуманитарного альманаха «Человек. Ru».

Из интересных издательских проектов последнего десятилетия стоит отметить деятельность издательства «Алетейя», в настоящее время, одного из наиболее активных и авторитетных публикаторов философской литературы. Например, в из-

дательской серии «Тела мысли», в которой к настоящему времени вышло более 10 книг, в 2003 году был выпущен не имеющий аналогов «Проективный философский словарь. Новые термины и понятия»⁷, в котором была впервые реализована идея словаря нового типа — эвристического протословаря, внедряющего в плоть культуры новые концепты, создающего новые точки роста мысли. Этот уникальный опыт резко расширяет возможности понять начавшееся перерождение мира и человека, представить утраты условием новых обретений, преобразовав накопленное, переправить его на другой берег новой, другой истории, придать центростремительное движение периферии культурного поля. Речь идет о реальных конструктивных усилиях вступить во взаимодействие с тем «завтра», которое уже решительно испытывает культуру и сознание. Словарь стал лауреатом и номинантом ряда конкурсов салонов и выставок. Издание почти сразу стало библиографической редкостью. Поэтому в настоящее время планируется второе расширенное его издание. В первом издании было представлено 165 статей 11 авторов. Новое издание расширено в полтора раза, в круг авторов вошли представители философской общественности России, ближнего и дальнего зарубежья. Определенное представление о направлениях и персоналиях современной российской философской культуры дают такие издания как *Философы России XIX-XX столетий*⁸; *Кто сегодня делает философию в России*⁹.

Практически закончена трансформация преподавания дисциплин философского цикла в университетах. Место марксистско-ленинского «канона» прочно заняли дисциплины традиционного гуманитарного плана: история философии, культурология (теория и философия культуры), этика, логика и теория аргументации. Соискатели научной степени кандидата наук вместо экзамена по истории философии и упоминавшегося канона теперь сдают экзамен по философии и методологии науки, в рамках которой ими осуществляется исследование. Нарастающий интерес вызывает движение за создание системного и устойчивого преподавания философии в средней школе. Подготовлен учебник, прошедший апробацию в ряде регионов. Разделы учебника вот уже третий год регулярно публикуются на страницах журнала «Философские науки». Все в большем числе гимназий читаются курсы по логике и аргументации.

Российская философская культура все более приобретает характер естественной среды философствования, соответствующий новому тысячелетию.

⁷ Проективный философский словарь: Новые термины и понятия / Под ред. Григория Тульчинского и Михаила Эпштейна. СПб.: Алетейя, 2003, 512 с.

⁸ Философы России XIX-XX столетий. Биографии. Идеи. Труды. М.: Академический проект, 2009.

⁹ Кто сегодня делает философию в России. М.: Поколение, Т. 1. -2007, Т. 2. — 2011.

